

A
X 694

На правах рукописи

Ходов Сергей Борисович

**Эстетическая позиция
российского регионального журнала
(на материале журнала "Урал" (1958-1998))**

Специальность 10.01.01. - Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного
университета
г. Екатеринбург

Екатеринбург 1999

Ходов

Работа выполнена в Челябинском государственном университете на кафедре русской и зарубежной литературы

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Г.К.Щенников

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Ю.А.Мешков
кандидат филологических наук, доцент Л.М.Слобожанинова

Ведущая организация - Магнитогорский государственный педагогический институт

Защита состоится 3 февраля 1999 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 063.78.03. по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М.Горького по адресу: 620083, Екатеринбург, К-83, проспект Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан 30 декабря 1998 года

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор Эйдинова В.В.

Вторая волна советских региональных журналов, поднятая в конце 1950-х годов хрущёвской оттепелью, сыграла и продолжает играть чрезвычайно важную роль и в российской литературе, и в утверждении самосознания российской провинции. Без учёта этого фактора история русской литературы XX века представляется заведомо неполной. Этим обстоятельством и определяется актуальность предпринятого нами исследования для литературоведческой науки. Кроме того, изучение региональных журналов стало особенно важным в последние годы, когда в целом ряде городов и областей появились новые литературные издания, которым, очевидно, было бы полезно ознакомиться с опытом предшественников. К сожалению, сейчас большинство этих журналов, в том числе и "Урал", находится на грани закрытия. Хотелось бы надеяться, что наша работа поможет обществу (и в первую очередь, чиновникам областного уровня) осознать большую значимость региональных журналов для российской культуры и хоть в малой степени посодействует их выживанию в условиях затяжного экономического кризиса.

Новизна работы обусловлена тем, что современные региональные журналы ещё не привлекали внимание исследователей. Некоторым исключением можно считать лишь "Сибирские огни". В конце 1980-х годов в Новосибирске было издано несколько научных сборников, посвящённых сибирской критике¹. Но статей, относящихся к рассматриваемому нами периоду, там не очень много. Наиболее интересна статья Э.А.Бальбурава "Литературная критика в журнале "Сибирские огни": 1954-1964 гг."² Некоторые его выводы, сделанные на материале "Сибирских огней", полностью совпадают с результатами нашего исследования. В частности, очень важным представляется утверждение Бальбурава об особой роли писательской критики в региональном журнале периода оттепели. Собственно, этой статьёй и исчерпывается список научных исследований региональных журналов интересующего нас периода. Всю остальную литературу по данному вопросу составляют критические статьи, содержащие порой весьма ценные наблюде-

¹ Развитие литературно-критической мысли в Сибири. - Новосибирск, 1986; Очерки литературной критики Сибири. - Новосибирск, 1987; Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. - Новосибирск, 1989.

² Бальбуров Э.А. Литературная критика в журнале "Сибирские огни": 1954-1964 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. - Новосибирск: Наука, 1989. - С.165-208.

ния, но, как правило, лишённые исторической перспективы и зачастую, в силу своей специфики, слишком субъективные.

Главной задачей нашей работы было изучить процесс эволюции эстетической позиции "Урала", выступившего в качестве материала и объекта исследования, со дня основания журнала вплоть до настоящего момента. Разумеется, нам пришлось, по мере необходимости и возможности, обращаться и к другим российским региональным журналам, таким как "Север", "Подъём", "Дон", "Волга", "Сибирские огни", "Дальний Восток", "Байкал". Мы постарались показать влияние "Урала" на общественную и культурную жизнь в своём регионе, а также роль этого журнала в русской литературе XX века в целом.

Методология работы носит комплексный характер. Основу её составило понимание журнала как саморазвивающейся системы, где в процессе эволюции приобретают доминирующее значение то одни, то другие элементы структуры, что и обусловило применение системных методов анализа. Вместе с тем для работы, новаторской по своему материалу, конечно, характерно широкое использование методов научного описания. Сочетание историко-типологического подхода с культурологическим комментарием обеспечивает понимание места региональных журналов в системе культуры.

Апробация отдельных аспектов и результатов диссертационного исследования проводилась на международной научной конференции "Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность" (Челябинск, 1998) и "Дергачёвских чтениях - 98" (Екатеринбург, 1998). Содержание диссертации частично отражено в тезисах этих конференций и одной научной статье.

Результаты исследования имеют практическую значимость и могут быть использованы в общем курсе русской литературы и русской журналистики XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по уральской литературе.

Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы. Общий объём работы - 263 страницы.

Во введении обоснована научная и общественная актуальность темы, определены методы, цели и задачи исследования. Так как основная часть работы посвящена эволюции эстетической позиции "Урала" в её разных аспектах, то есть динамике процесса, то описание специфики регионального журнала, мы вынесли во введение, ибо журналы,

издающиеся в провинции, по некоторым параметрам существенно отличались и отличаются от центральных. Многие из этих отличий характерны не только для всех трёх периодов развития "Урала", но и для всех российских региональных журналов вплоть до 90-х годов.

Целый комплекс отличий от центральных изданий обусловлен монопольным положением провинциальных журналов в своих регионах. Во-первых, журнал в провинции играет роль общекультурного центра, где находится место не только литераторам, но и музыкантам, и фотографам, и учёным, и художникам, и многим другим деятелям культуры. Во-вторых, региональные журналы, как правило, отличаются терпимостью к самым разным взглядам, на их страницах публикуются и либералы, и консерваторы, и правые, и левые. Важно подчеркнуть, что это именно терпимость, а не неразборчивость. Если эти два следствия монополизма можно, в определённом смысле, счесть благом, то третье - сказывалось на провинциальных журналах самым губительным образом. Региональный журнал практически всегда (за исключением рубежа 1950-60-х годов) существовал в информационном вакууме: ни столичная критика, ни соседние региональные журналы не уделяли внимания ни его достоинствам, ни его недостаткам. Это, конечно, сильно тормозило развитие журналов и в значительной мере вызывало стремление многих писателей при первой возможности перебраться в Москву, где путь к славе всегда был заведомо короче.

Столичные "толстые" журналы являются, в первую очередь, журналами литературными. Они десятилетиями аккумулировали в себе лучшие достижения русской литературы (разумеется, за вычетом того, что не могло быть напечатано из-за цензурных ограничений). Региональные журналы никак не могли составить им конкуренцию в этом смысле, хотя к развитию местной литературы относились очень внимательно. Зато публицистика провинциальных журналов заполняла ту нишу читательских интересов, которая была практически недоступна для столичных изданий, поэтому публицистический отдел всегда играл здесь гораздо более важную роль и существенно влиял на все остальные отделы. Именно этим объясняется то, что публицистике в нашей работе уделяется достаточно большое внимание.

У региональных журналов были особые отношения с местной партийной властью. Считается, что эти журналы жёстко контролировались местными обкомами КПСС и потому были до предела задавлены цензурным гнѐтом. Отсюда и часто встречающееся до сих пор пренебрежительное отношение к региональным журналам как к серым изданиям, якобы бездарно перепевавшим центральную периодику на местный лад. В то же время высказываются и полярно противоположные мнения. Например, на страницах только что выпшедшего в Уральском

университете коллективного труда "Литература Урала" Н.Лейдерман и Л.Быков, уже не одно десятилетие выступающие в отделе критики "Урала", утверждают: "На Урале пора литературной "оттепели" наступила несколько позже, чем в центре, - где-то ближе к середине 60-х годов, но зато инерция её была продолжительнее и в некотором отношении глубже. Сюда столичные громы и молнии доходили уже глуше, а неординарная, смелая мысль встречалась здесь с менее решительной цензурой"³. Мы постарались показать, что, хотя цензура в провинции была более жёсткой, чем в столице, региональный журнал всё-таки имел некоторые возможности для манёвра, связанные с противоречивостью чрезмерно централизованной системы управления государством. Получили объяснение и случаи внезапной смелости этих журналов, печатавших порой то, что не проходило через столичную цензуру по идеологическим соображениям.

Основная часть работы состоит из трёх глав, в каждой из которых исследуется особый период жизни журнала. Главным критерием для периодизации послужили политические перемены, происходившие в стране и отражавшиеся как на составе редакции, так и на содержании и задачах журнала. Структура журнала практически не менялась, но акценты всякий раз ставились по-иному. Если в первый период журнал целенаправленно развивал критический отдел, то во втором - роль ведущего перешла к отделу публицистики, а в третьем - повышенное внимание стало уделяться художественной литературе.

В первой главе "Урал в период оттепели (1958-1967)" рассматривается эстетическая позиция "Урала" с 1958 года, когда журнал был создан, до начала 1968 года, обозначившего конец хрущёвской оттепели оккупацией Чехословакии. Знаковым событием для журнала стала смена главного редактора: вместо Георгия Краснова, отличавшегося терпимостью к чужим мнениям, позволявшего оспаривать свои взгляды даже на страницах возглавляемого им "Урала", пришёл Вадим Очеретин, человек авторитарного склада, более подходивший, по мнению обкома, к изменившейся политической ситуации.

Создание в Свердловске ежемесячного журнала, конечно, само по себе оживило литературную и культурную жизнь всего региона. Но и от редакции потребовались колоссальные усилия, чтобы журнал выглядел достойно. Проза поначалу была слабая, ещё хуже обстояло дело с поэтическим отделом, хотя были и удачи: на страницах "Урала" в эти годы часто печатались Виктор Астафьев, Борис Ручёв, Людмила Татьяничева. Но мы говорим о журнале в целом. Редакция активно

³ Быков Л.П., Лейдерман Н.Л. Литература Урала в 1960-70-е годы // Литература Урала. - Екатеринбург, 1998. - С.268.

работала с молодыми писателями, помогая им постигать азы литературного мастерства. Особенно много времени отдавал этой черновой работе первый редактор "Урала" и самый известный в ту пору уральский писатель Олег Коряков.

Вероятно, пропедевтические цели преследовала и публикация произведений иностранной литературы, которые, несмотря на всю "прогрессивность" допущенных писателей, опосредованно отражали лучшие достижения мировой литературы. Сам факт сосуществования их под одной обложкой с безликой в плане языка и торопливой уральской прозой имел большое значение. Французский экзистенциализм, которому в СССР довольно-таки повезло с публикациями в связи с успехами компартии во Франции, был представлен в "Урале" романом Эльзы Триоле "Превратности судьбы"⁴. Но ведь экзистенциализм не представим без джойсовского "потока сознания", почти недоступного в то время на русском языке. А в новелле "прогрессивного немецкого писателя" Вальтера Галлаша "Полоска неба"⁵ ощутимо сильное влияние Кафки, тоже тогда ещё не изданного у нас. В числе интересных публикаций стоит назвать роман Грэма Грина "Тайный агент" и сатирический роман Джозефа Хеллера "Уловка-22", напечатанные в "Урале" в 1962 и 1967 году соответственно.

На фоне слабой в своей массе уральской прозы и поэзии выгодно смотрелся отдел публицистики. Стоит отметить, например, что в "Урале" уже с конца 50-х годов была очень сильна экологическая тема, которая пришла на страницы других журналов гораздо позже. Но наиболее значительных успехов в этот период "Урал" добился в критике. И здесь нельзя не назвать имя Нины Полозковой, двадцать лет возглавлявшей этот отдел журнала и сыгравшей очень большую роль в становлении уральской критики. Впрочем, не только уральской, ибо в журнале печатались одни из первых статей Игоря Золотусского и Льва Аннинского. На экземпляре первой книги Аннинского "Ядро ореха", подаренном им Нине Полозковой, рукой автора сделана надпись: "Крестной матери доброй трети этой книги".

Поначалу литературная критика в "Урале" почти отсутствовала: печатались юбилейные статьи, главы диссертаций преподавателей свердловских вузов. Настоящая критика "Урала" начиналась с серии писательских выступлений, специально организованных редакцией. Безусловно, самым ярким и значительным стало выступление Виктора Астафьева в 1962 году. В своей статье "Нет, алмазы на дороге не валяются" он высказался против очень распространённого в ту пору "календарного" понимания современности литературного произведе-

⁴ Триоле Э. Превратности судьбы // Урал. - 1963. - №№8, 9.

⁵ Галлаш В. Полоска неба // Урал. - 1960. - №6.

ния, когда современными считались "книги, которые выходят в третьем квартале года, а действие их развёртывается в первом"⁶. Выступление Астафьева было чрезвычайно актуальным не только для "Урала", где уже стало складываться мнение, что, оценивая "современное" произведение, необходимо делать скидку на злободневную тему, но и для всей советской литературы того времени, основными бедами которой, по словам писателя, стали "спешка и верхоглядство". К сожалению, в дальнейшем в журнале возобладала именно "календарность" (хотя в открытую вопрос о заведомо сниженных критериях уже не ставился). Острейшее неприятие статья Астафьева вызвала у Вадима Очеретина, считавшего, что писатель должен отрабатывать свой хлеб, активно вмешиваясь в события сегодняшнего дня, то есть создавая ультрасовременные произведения. Тон выступления Очеретина был просто оскорбительным. Он, по существу, обвинил Астафьева в трусости. Неудивительно, что, когда через несколько лет Очеретин стал редактором "Урала", всякое сотрудничество Астафьева в журнале прекратилось.

Образ положительного героя стал ещё одной эстетической проблемой, которой "Урал", как и другие журналы, уделял большое внимание в 60-е годы. Позиция Георгия Краснова, главного редактора "Урала" с 1959 года, была вполне однозначной: писатель обязан в своём произведении показать положительного героя, который мог бы вести за собой молодёжь, как это делал Павка Курчагин в 30-е годы. Краснов решительно выступал против литераторов, у которых "исчез герой подлинный, чей труд действительно прославляет Родину, и остался герой мнимый - сомневающийся, ищущий, ошибающийся хлюпик, попавший в дурное окружение"⁷.

Если воспринимать советскую действительность того времени так, как она подавалась в средствах массовой информации, позиция Краснова выглядит вполне логичной. Но реальные будни "миллионов молодых патриотов" сильно отличались от картины, нарисованной пропагандой. Поэтому писатели, которые стремились создать подлинно художественное произведение, поневоле вынуждены были отступать от сложившегося информационного канона. Такие отступления клеймились идеологически выдержанными критиками как "очернительство". В "Урале" к их числу относился, например, Михаил Батин, чьему перу принадлежала самая первая статья новорождённого "Урала", содержащая гневные филиппики против романа Дудинцева "Не хлебом единым". Краснов придерживался этих же взглядов и, как главный редактор, мог бы подчинить своей позиции весь журнал, но он, к счастью, был человеком иного склада.

⁶ Астафьев В. Нет, алмазы на дороге не валяются // Урал. - 1962. - №11. - С.164.

⁷ Краснов Г. Опять мимо цели // Урал. - 1962. - №3. - С.153.

Значительным событием этого периода стала полемика на страницах "Урала" между Красновым и молодым тогда критиком Наумом Лейдерманом. Сама возможность подобного спора была необычной для журналов того времени. Предметом разногласий послужила повесть Константина Воробьёва "Убиты под Москвой". Краснов в своей статье подверг её уничтожающей критике, полагая, что автор намеренно очернил кремлёвских курсантов, героев повести. Однако после выступления Лейдермана, где тот убедительно показал мастерство писателя и раскрыл подлинно высокий замысел повести, Краснов согласился со своим оппонентом в главном: К.Воробьёв "рассказал о гибели кремлёвских курсантов талантливо, с глубоким драматизмом и острым нравственным чувством"⁸. Достойным завершением этой полемики стала публикация в "Урале" в 1967 году одного из лучших рассказов опального в ту пору Воробьёва, "Немец в валенках", обозначившего совершенно новый поворот в военной теме. К концу первого периода критический отдел "Урала" был, по выражению И.Золотусского, "всесоюзен и современен"⁹.

Во второй главе "Урал в период застоя (1968-1987)" рассматривается двадцатилетие с 1968 по 1987 год, большую часть которого (до середины 1980 года, т.е. около 12 лет) журнал возглавлял писатель Вадим Очеретин. Это был жёсткий, властолюбивый человек, но талантливый организатор и прекрасный менеджер. За годы его редакторства тираж "Урала" возрос вчетверо: с 30 до 120 тысяч экземпляров, что было выдающимся результатом для провинциального издания.

При Очеретине "Урал" стал почти исключительно уральским журналом. Выход за пределы региона, правда, понимаемого очень широко (огромная территория от Волги до Оби), осуществлялся чрезвычайно редко. Очеретин считал, что журнал, издающийся в "опорном крае державы", обязан прежде всего поддерживать его имидж "добытчика и кузнеца", поэтому западносибирская нефть и уральские заводы заняли в журнале доминирующее положение. К этому нужно прибавить, что Очеретин нисколько не изменил "календарному" пониманию современности, а потому важнейшим из всех жанров для него являлся очерк, иногда разраставшийся до размеров (и, соответственно, наименования) романа. Именно отдел публицистики и стал ведущим и преобладающим отделом в журнале в этот период.

В уральской литературе основной, по мысли Очеретина, должна была стать рабочая тема. В принципе, эта тема присутствовала в жур-

⁸ Краснов Г. Испытаны железом и огнём // Урал. - 1966. - №6. - С.164.

⁹ Золотусский И. Автор, стиль, жизнь // Лит. Россия. - 1965. - 19 нояб. - С.17.

нале со дня его основания и в первый год даже решительно преобладала над всеми остальными, но с повышением эстетических требований редакции, она неизбежно отходила на задний план. Постановка задачи изначально содержала ложь, ибо нужно было написать не просто роман о рабочих, а роман о том, что советские рабочие самые умные, самые честные и совершенно бескорыстные, а значит, успешное разрешение её было нереальным, как создание вечного двигателя. Критические статьи о рабочей теме не столько анализировали написанные произведения, сколько пытались сконструировать модель идеального произведения на эту тему.

Активная эксплуатация местного патриотизма (как в хорошем, так и в плохом смысле) привела к быстрому росту тиража. Секрет популярности "Урала" заключался ещё и в том, что Очеретин ориентировал журнал на постоянное взаимодействие с читателями: редколлегия устраивала выездные заседания во многих уральских городах, не раз на страницах "Урала" появлялись анкеты, выяснявшие пристрастия читателей, учреждались призы для наиболее активных из них, из номера в номер журнал помещал детективы и фантастику, неизменно пользовавшиеся спросом, в качестве эксперимента печатал даже брачные объявления и проводил конкурс анекдотов. Во всём этом был привкус газетности. Очеретин делал свой журнал интересным, но интересным - для определённого круга читателей, чьи художественные вкусы были непритязательны или просто неразвиты. Нельзя сказать, что журнал не стремился развивать или просвещать своего читателя, но главная ставка была сделана на развлечение, на любопытный факт.

Пристрастие к уральской тематике было закономерным и логичным, но, проводившееся слишком последовательно, оно не могло не обеднить журнал. К примеру, "Урал" перестал печатать зарубежную литературу, о роли которой мы уже говорили. Подобное самоограничение "Урала" иногда не лучшим образом сказывалось и на публицистике, ибо некоторые проблемы в принципе не могут быть поставлены корректно в масштабе одного региона. Так, в 1977 году "Урал" выступил в поддержку проекта поворота северных рек, поскольку его осуществление позволяло бы спасти обмелевшую реку Урал и увеличить урожай пшеницы в Оренбуржье. Вред, наносимый экосистеме Западной Сибири, при этом совершенно игнорировался.

Утрата всероссийского масштаба была бы особенно губительна для критики "Урала", но этого, к счастью, не случилось. Традиционными в 70-е годы стали ежегодные критические дискуссии, начатые ещё при Краснове, в 1966 году. Это было тогда совершенно необычным для массового журнала. Однако необходимо отметить, что проводились они почти против воли Очеретина, поскольку вызывали неперенные на-

реkania со стороны обкома и цензуры. Заслуга организации дискуссий принадлежит Нине Полозковой. На страницах журнала публиковалась не стенограмма, а цикл статей участников разговора или даже кратко изложение высказанных точек зрения. Это было связано не только с объёмом материала (первая дискуссия, например, растянулась на три дня), но прежде всего с цензурными рогатками. Слишком уж живой и неформальный разговор вёлся в редакции "Урала". Но даже в искажённом цензурой печатном варианте живую мысль не удавалось задушить полностью. Важно отметить, что дискуссии даже в таком виде выполняли две очень важные функции. Во-первых, разговор в ходе этих встреч в редакции никогда не ограничивался рамками уральской литературы. Дискуссии как бы задавали масштаб произведениям уральских писателей, вписывая их в общероссийский контекст, который в обычных критических статьях "Урала" присутствовал при Очеретине чрезвычайно редко. Во-вторых, дискуссии почти всегда были посвящены прозе, чем в значительной степени уравновешивалось повышенное внимание текущей критики к уральской поэзии. "Уралу" таким образом удавалось сохранять тот высокий уровень критики прозаических текстов, который был достигнут к концу прошлого периода.

Преобладание поэтической критики, вероятно, явилось следствием того же самоограничения "Урала" рамками региона: после поэтического бума шестидесятых прозаиков на Урале было меньше, чем поэтов. Критику тех лет часто упрекали впоследствии, что она замалчивала выход слабых произведений, но к поэтической критике "Урала" это не относится ни в малейшей степени. Юрий Никишов, Леонид Быков, Николай Кузин, Александр Субботин равно сурово подходили и к стихам начинающих, и уже более опытных поэтов. Продолжительное и пристальное внимание журнала к поэзии, несомненно, сыграло свою роль в том, что её общий уровень на Урале заметно повысился, сложилась уральская поэтическая школа. Улучшился и поэтический отдел "Урала": на его страницах печатались Борис Марьев, Алексей Решетов, Майя Никулина, Эмилия Бояршинова, Алексей Домнин и другие поэты.

Приход в 1980 году нового главного редактора, Валентина Лукьянина, изменил приоритеты журнала. "Урал" начал постепенно отказываться и от замкнутости в рамках региона (прежде всего это произошло в критике), и от ставки на занимательность, и от "календарного" понимания современности. Изменились и принципы отбора текстов для публикации. Так, "Диофантовы уравнения" Андрея Ромашова, произведение, которое Лукьянин до сих пор считает самой лучшей находкой "Урала", уже предлагались в журнал при Очеретине и были отвергнуты им. Действие повести Ромашова происходит в Александр-

рии в V веке нашей эры. По "календарным" меркам Очеретина такое произведение вообще не имело права на существование. Читатели "Урала" настолько привыкли к тому, что литература занималась исключительно сегодняшним днём, что редакция сочла необходимым сопроводить "Диофантовы уравнения" послесловием, где специально обосновывалась правомерность обращения писателя к далёкому прошлому.

Повесть Ромашова поднимала тему ответственности человека за всё, что при нём происходит в мире. Её главный герой, Олимпий, спасается бегством, когда христиане пришли разрушать школу Гипатии, в которой он был учеником и библиотекарем. Гипатия гибнет, а Олимпий после долгих странствий принимает христианство, поскольку такой шаг даёт ему средства к существованию. Уже став стариком, Олимпий пишет свою исповедь, чтобы доказать себе свою невиновность и успокоить свою совесть, но не может этого сделать.

Очень близким к "Диофантовым уравнениям" в этой убеждённости в высокой ответственности человека оказался роман Невила Шюта "Крысолов", предложенный редакции "Урала" переводчицей Норой Галь после прочтения повести Ромашова. Сюжет таков: семидесятилетний старик-англичанин летом 1940 года вывозит из Франции, оккупированной фашистами, семерых детей разных национальностей, потому что "дети не должны видеть войну". Хорошо понимая опасность, грозящую ему, если немцы узнают, что он англичанин, старик не может бросить детей, хотя спастись в одиночку ему не составило бы труда. Об ответственности человека за происходящее при его жизни "Урал" не раз будет говорить, когда отмена цензурных ограничений откроет тему сталинских преступлений. Повесть Андрея Ромашова и роман Невила Шюта в значительной степени предвосхитили это покаянное настроение в обществе и стали неким рубиконом, перейдя который, "Урал" уже не мог повернуть назад. Журнал начал ориентироваться на читателя с более развитым художественным вкусом, на произведения, будившие мысль, а не иллюстрировавшие очередное постановление ЦК.

Но всё-таки инерция очеретинской позиции была ещё очень велика, а кроме того переменам, начатым было редакцией, активно воспротивился Свердловский обком во главе с его тогдашним первым секретарём Борисом Ельциным. Поводом для закрытого разбирательства на бюро обкома стала публикация в конце 1982 года романа Константина Лагунова "Бронзовый дог" и в начале 1983 года - повести Николая Никонова "Старикова гора". Сдача в печать номеров журнала с этими произведениями практически совпала по времени с выходом постановления ЦК КПСС от 23 июля 1982 года "О творческих связях

литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства”, где, в частности, было выражено недовольство тем, что литературные журналы начали оценивать многие события отечественной истории иначе, чем это записано в партийных документах.

Сюжет “Стариковой горы” Никонова очень прост. Городской художник уезжает поработать над картиной в деревенском покое. Но оказывается, что его представления о деревне очень отличаются от реального положения вещей: вместо “тружеников села” он находит деревню, полную туеядцев и алкоголиков, вместо тишины и пения петуха - магнитофон, включенный на полную громкость. Во всей деревне работает один старик, которого за это все ненавидят и зовут куркулём, потому что его семья была раскулачена в период коллективизации. Понятно, что такой сюжет даже отдалённо не напоминал “новые условия производства и быта на селе”, которые призвало изображать постановление ЦК.

Но “Старикова гора” ещё могла бы пройти незамеченной, если бы перед ней не был опубликован роман “Бронзовый дог” Лагунова, который вырос из его очерков о тюменских нефтяниках, публиковавшихся в “Урале” при Очеретине. Однако если в очерках все проблемы были сглажены и затушёваны, то в романе история с начальником, который не даёт ходу талантливому изобретателю, пока тот не включит его в соавторы, стала одной из центральных линий. При этом все персонажи, хоть и сменили фамилии, были абсолютно узнаваемыми. Кристально прозрачными были даже топонимы. Основные действия в романе происходят в городе Гудыме, то есть Надыме. Вероятно, скандальные персонажи типа ревизорши-взяточницы также имели своих прототипов, которые, хотя и не попали в очерки, но уж в Надыме-то были известны всем. Роман, естественно, вызвал у этих прототипов, причём довольно могущественных, сильное возмущение. Тюменский обком партии, где нефтяники имели огромное влияние, раскрутил всю эту историю. В конце 60-х годов Краснова сняли и за меньшие преступления, но, видимо, было решено не создавать Лукьянину ореол гонимого. Он, в отличие от Краснова, остался главным редактором, но цензурный гнёт со стороны обкома усилился до такой степени, что ещё года полтора после этих событий “Урал” не мог публиковать ничего хоть мало-мальски отличного от устоявшихся штампов, что и называлось партийной позицией. Естественное развитие журнала несколько затормозилось, но уже не надолго.

В третьей главе “Урал в эпоху свободы слова (1988-1998)” изучается современная эстетическая позиция журнала. Новый период в

жизни "Урала" начался в 1988 году, когда стали быстро рушиться цензурные заграждения. Свердловск в то время, наряду с Москвой, Ленинградом и Прибалтикой, находился в авангарде демократического движения, а потому и "Урал" мог позволить себе значительно более радикальные и самостоятельные высказывания, чем другие региональные, а иногда, как в случае с "Исповедью на заданную тему" Ельцина, опубликованной в июне 1990 года, даже и столичные журналы.

Критика "Урала" приобрела политическую остроту значительно раньше публицистики. На короткое время литературный критик сделался общественной фигурой номер один, но когда цензура была отменена окончательно, соперничать в этом плане с публицистикой стало просто бессмысленно, но и отказаться от политической составляющей было вовсе не так просто, ведь она органично входила в русскую критику со времён Чернышевского и Добролюбова. Вскоре к этому добавилась и полная потеря обществом интереса к литературе. Критика, пережив на заре перестройки свой "золотой век", к началу 1990-х годов зашла в тупик. Многие критики, активно работавшие в 1960-80-х годах, перестали писать. Другие, как Лейдерман, вернулись к "чистому" литературоведению или, как Лукьянин, стали больше заниматься публицистикой.

"Урал" очень обдуманно выстроил свою линию в период, когда все издания были переполнены "возвращённой" литературой. Во-первых, журнал печатал только первоклассные произведения, которые могли бы составить честь любому центральному журналу. С 1988 по 1993 год в "Урале" были опубликованы "Дар" и "Под знаком незаконнорожденных" Набокова, "Сивцев вражек" Осоргина, "Коллекционер" Фаулза, "Америка" Кафки, "Заводной апельсин" Бёрджесса, "Ушли клоуны, пришли слёзы" Зиммеля, "Шоша" и "Люблинский чародей" Зингера. Во-вторых, "возвращённой" литературы было в "Урале" не слишком много, ибо журнал по-прежнему основной своей задачей считал всемерное развитие уральской литературы, так что когда эпоха громких публикаций завершилась, у "Урала", в отличие от многих других столичных и региональных журналов, был солидный авторский актив, который очень быстро стал заметен на общероссийском фоне.

На рубеже 1980-90-х годов в Свердловске произошёл настоящий культурный взрыв: огромной популярностью по всей стране пользовался свердловский рок, всеююзную известность завоевали свердловское документальное кино и свердловский театр. В этом же ряду нужно назвать экспериментальный номер "Урала" (1988, №1), впервые легализовавший литературу нетрадиционных направлений, и последовавший за ним журнал в журнале "Текст", который одним из первых стал активно пропагандировать постмодернизм. Пожалуй, впервые за

всю историю советской журналистики региональный журнал мог уверенно конкурировать со столичными изданиями. В недрах "Гекста" вызрела и новая постмодернистская критика, где произошло решительное перемещение центра интересов критика с анализируемого произведения на свою собственную личность. Сегодня эта критика, как бы к ней ни относиться, представляет собой довольно заметное явление в российском литературном пейзаже. Наиболее ярким её представителем, безусловно, является Вячеслав Курицын, ныне столичный литератор, а в недавнем прошлом активный автор "Урала".

"Урал" ныне занимает вполне самостоятельную позицию, не считая нужным слепо следовать столичным мнениям в чём бы то ни было. Особенно показателен в этом смысле отдел публицистики, где очень большое место занимают статьи Валентина Лукьянина, по-прежнему возглавляющего редакцию журнала. Если раньше публицистика "Урала" занималась проблемами своего региона, оставляя общероссийские - центральным изданиям, то теперь журнал считает себя вправе иметь свою точку зрения по любым, даже глобальным вопросам. Самое интересное, что уральский колорит в постановке этих проблем не только не пропал, но ещё и усилился.

Одна из центральных идей "Урала" - идея третьего пути в экономике. Первоначально он мыслился как средний между капитализмом и социализмом, но в дальнейшем у Лукьянина стало нарастать недоверие к рынку как универсальному регулятору экономики, что было, конечно, связано с неудачей ельцинских реформ. Но основой радикальной перемены во взглядах стало столь традиционное для "Урала" внимание к экологии. Лукьянин попытался сформулировать идею особого, экологического пути России. По его мнению, антиэкологическая психология потребительства порождается стихией рынка, которая должна быть существенно ограничена. России это сделать гораздо проще, чем западным странам, тем более, что нашей стране рынок не принесёт благополучия: разрыв между мировыми лидерами в области технологий и Россией всё увеличивается, и его вряд ли удастся ликвидировать когда-либо. А потому путь России должен лежать в другом направлении, она должна стать лидером в экологической области, что, как считает Лукьянин, может оказаться в наступающем тысячелетии гораздо более перспективным. Отметим ещё раз самостоятельность и масштабность постановки проблем, ранее совершенно немислимую в региональном журнале.

Показателем сильной, независимой позиции, являются и довольно рискованные эксперименты "Урала" с маргинальными жанрами массовой литературы, на которые не решились столичные журналы, криминальным (повести Евгения Монаха) и эротическим ("Эротическая

одиссея" Андрея Матвеева и "Чаша Афродиты" Николая Никонова) романом. Но важно подчеркнуть, что "Урал" вовсе не добивается оригинальности любой ценой. Главный редактор "Урала" Валентин Лукьянин вообще принадлежит к сторонникам традиционной реалистической литературы, но не считает себя вправе устанавливать эстетическую диктатуру. Редакция печатает произведения любых направлений, которые, по её мнению, являются литературно состоятельными, а их из под пера уральских писателей выходит ныне достаточно много.

Но проблема информационного вакуума, в котором, как и другие региональные журналы, практически всегда находился "Урал", по-прежнему существует. Столичные коллеги просто игнорируют его достижения, более того, иногда, как крошка Цахес, спокойно приписывают их себе. Не так давно Сергей Чупринин, главный редактор "Знамени", попытался сформулировать, чем его журнал отличался и отличается от других литературных ежемесячников. И оказывается, что "Урал" и "Знамя", хотя Чупринин об этом и не говорит, во многом шли параллельными курсами. Только "Урал" иногда был на пару шагов впереди. Так, Чупринин считает, что в 1996 году "Знамя" нашло "эксклюзивное <...> тактическое решение, <...> в принципе отказавшись от публикации "текущей" зарубежной прозы, зато введя постоянную (из номера в номер) рубрику "Классика 20 века". <...> Как нам кажется, и Марсель Пруст, Роберт Музиль, Ив Бонфуа в 1996 году, и Шеймус Хини, Франц Кафка, Альбер Камю, Борис Виан, Томас Дилан в году наступающем - совсем не плохая интеллектуальная среда <...> для наших подписчиков"¹⁰. Но если просмотреть комплекты "Урала" за 1993-94 годы, там обнаружится постоянная рубрика со схожим названием - "Modern classics", где печатались произведения таких авторов, как Сальвадор Дали, Ежи Козинский, Лео Перутц, Френсис Скотт Фицджеральд, Александер Фрей, Томас Дилан, Артур Мейчен, Роберт Музиль, Джойс Кэрол Оутс. Конечно, провинциальный журнал и не имеет возможности (финансовой) печатать произведения текущей иностранной литературы, поэтому перед таким выбором, как у "Знамени", "Урал" не стоял. Возможно, поэтому знаменский "эксклюзив" 1996 года уже был успешно апробирован в "Урале" на три года раньше.

В том же выступлении Чупринин утверждал, что только "Знамя" в годы "републикационного бума" оставалось журналом современной литературы по преимуществу, "положив за правило в каждом очередном номере открывать новое литературное дарование. Звучит, разумеется, амбициозно, но этот проект, впусивший в словесность ещё только-только формировавшийся, абсолютно непривычный художествен-

¹⁰ Чупринин С. Тринадцатое мнение, или "Знамя" после 1996 года // Знамя. - 1997. - №1. - С.209.

ный, социально-психологический опыт первого постсоветского поколения, и был задуман как амбициозный, демонстративно идущий вразрез с тем, что делалось тогда другими ежемесячниками¹¹. Может быть, это верно относительно центральных изданий, но республиканский бум вовсе не так уж захватил "Урал", да и другие региональные журналы: возможностей в этом смысле у них было меньше. А непривычный художественный опыт впервые появился именно на страницах "Урала". Словом, региональный "Урал" сегодня вполне мог бы составить конкуренцию любому центральному журналу.

В заключении подводятся итоги, прослеживаются основные этапы эволюции эстетической позиции "Урала", что позволяет прийти к следующему выводу. Журнал сыграл очень большую роль в наблюдаемом сегодня взлёте уральской культуры. К концу восьмидесятых годов "Урал" подошёл вплотную к тому, чтобы стать вровень с центральными журналами. На его страницах не только активно осваиваются, но и генерируются новые эстетические и общественно-политические идеи. Но, к сожалению, наметившийся было расцвет уральской литературы может прерваться в самом начале, но не по творческим, а по экономическим причинам: с 1992 года начинается медленное умирание "Урала". Он, как и другие региональные журналы, стал безнадежно убыточным предприятием, живущим на нерегулярные дотации из областного и городского бюджетов. Сегодня журнал находится на грани закрытия. Уральские авторы, уже сумевшие сделать себе имя, конечно, не пропадут. Скажем, в 1998 году, когда вышел всего один номер "Урала", "Новый мир" охотно печатал Ольгу Славникову, чей роман "Стрекоза, увеличенная до размеров собаки" годом раньше попал в шорт-лист Букеровской премии. Но для дебютантов публикация в "Урале" по-прежнему остаётся единственным средством быстро войти в большую литературу, ведь провинциальные издательства не имеют возможности печатать и рекламировать книгу неизвестного автора, а новые журналы (типа челябинской "Уральской нови") сами ещё не приобрели достаточного авторитета в литературном мире. Закрытие "Урала" нанесёт непоправимый ущерб уральской литературе. Да и для русской литературы в целом такая потеря не пройдет бесследно. Остаётся надеяться, что власти Екатеринбурга и Свердловской области, наконец, поймут, что литературный журнал необходимо поддерживать точно так же, как кинофестивали, художественные выставки, театры, музеи, как всю культуру.

¹¹ Чупринин С. Там же. - С.206.

Завершает работу список литературы, содержащий 593 наименования, часть разделов которого заслуживает особого упоминания в силу весьма малой изученности региональных журналов.

Наиболее ценным является первый раздел списка (248 наименований), где с максимально возможной полнотой в хронологическом порядке учтены публикации о журнале "Урал" в целом или об одном из его отделов. Статьи об отдельных произведениях, опубликованных в журнале, учитывались лишь в исключительных случаях. Подавляющее большинство статей этого раздела было опубликовано на страницах свердловских газет "Уральский рабочий", "Вечерний Свердловск" и "На смену!" и потому не отражено в летописи газетных статей. При составлении этого раздела нами были использованы каталоги областных научных библиотек - Челябинской и Свердловской, а также архивы редакции "Урала". В большинство библиографических записей раздела нами включена краткая аннотация, поскольку газетные и журнальные заголовки в силу своей специфики далеко не всегда позволяют судить о теме публикации.

Определённую ценность представляет и третий раздел списка (211 наименований), который посвящён другим российским региональным журналам: "Север", "Дон", "Подъём", "Волга", "Сибирские огни", "Байкал", "Дальний Восток". Не учитывались, как правило, публикации об "Уральском следопыте" (в силу специфики его аудитории), о художественных альманахах, о новых региональных журналах, основанных в постсоветский период, а также о русскоязычных журналах бывших республик СССР типа "Простора", "Даугавы" или "Памира". Для составления этого раздела использованы данные летописей газетных и журнальных статей за 1958-1997 годы. Местная периодика в этом случае вынужденно оказалась вне поля зрения.

Содержание диссертации частично отражено в следующих печатных работах:

1. Эстетическая позиция журнала "Урал" (1958-1967) // Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность: Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 70-летию доктора филологических наук, профессора А.И. Лазарева. - Челябинск, 1998. - С.124-126. - 0,1 п.л.

2. Художественная позиция журнала "Урал" (1968-1980) // Дергачёвские чтения - 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конференции. - Екатеринбург, 1998. - С.288-290. - 0,1 п.л.

Подписано в печать 23.12.98. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,0. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 100 экз.
Отпечатано в компьютерной лаборатории ЧГУ.